

УДК 261.7

В. И. Горбенко
аспирант кафедры культурологии
Национального педагогического университета
имени М. П. Драгоманова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ КАТЕГОРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ ТЕКСТОВ В НОВОМ ЗАВЕТЕ

Понятие интертекстуальности указывает на свойство текста, в котором присутствует неразрывная связь между текстом и его ассоциациями с другими текстами. Это понятие используется в герменевтике для исследования значения текста во взаимосвязи с другими текстами. В последнее десятилетие предметом дискуссии стало использование текстов из Ветхого Завета в посланиях апостола Павла. Частичный обзор дискуссий пытались сделать Н. Райт, Р. Хейз, Е. Тиссельтон. Но вовлеченность названных авторов в сами дискуссии такова, что необходим объективный научный анализ проблематики.

Цель статьи заключается в описании основных методологических подходов современных толкователей к изучению использования Писания в посланиях апостола Павла. Современным исследованиям в этой области свойственны методологические предубеждения и недостатки, которые требуют критической оценки.

Несмотря на то, что само понятие интертекстуальности не является чем-то новым, обычно считают, что Юлия Кристева была первой, кто предложил использовать термин «интертекстуальность» в литературном исследовании [14, с. 14]. Интертекстуальность Ю. Кристевой имеет свои характерные черты из-за нового понимания того, что является текстом. Считается, что Михаил Бахтин вдохновил Ю. Кристеву на новое определение понятия текста.

Михаил Бахтин предложил характеризовать текст его «диалогическим качеством» [17, с. 166]. То есть текст уже не рассматривается как единый, закрытый объект исследования, не имеющий своего голоса, но рассматривается в диалоге с другими факторами вне текста. Ю. Кристева рассматривает интертекстуальность как текстовый диалог нескольких текстов [20, с. 424]. Основываясь на трудах М. Бахтина, она ссылается на текст как на пересечение двух осей: «горизонтальной оси», соединяющей автора и читателя текста, и «вертикальной оси», соединяющей текст с другими текстами. Соединение этих осей формирует текстовое пространство, где автор, получатели и внешние тексты ведут диалог и где «горизонтальная ось (субъект – получатель) и вертикальная ось (текст – контекст), в конце концов, совпадают, обнаруживая главное: всякое высказывание (текст) есть такое пересечение двух высказываний (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно высказывание (текст)» [20, с. 473].

Текст рассматривается не как закрытый объект исследования, имеющий устойчивый смысл, но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма: автора, получателя, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом. Более того, сам читатель функционирует как «текст», привнося в пересечение письменных текстов свое интертекстуальное полотно или плоскость. Жизненные переживания, такие, как действия, эмоции и знания, тоже составляют «текст». По мере прочтения письменных текстов читателем, эти тексты переплетаются с множеством других «текстов», привнесенных читателем. Тот факт, что текст всегда указывает на другие «тексты» и сам читатель привносит «тексты», приводит к выводу, что не может быть только одной интерпретации текста. Поэтому «любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуаль-

ности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [19, с. 5–6].

Теория интертекстуальности дает несколько категорий, необходимых для оценки различных подходов к изучению использования Писаний апостолом Павлом. Некоторые вопросы для определения критериев оценки методологических подходов:

1. Сколько «текстов» рассматривается для исследования того, как Павел использовал Писание? Имеют ли одни тексты приоритет над другими и почему? В теории, интертекстуальных взаимоотношений в тексте может быть бесконечное множество, потому что различные знаки текста могут диахронически или синхронически указывать на серии фраз или других «текстов». Поэтому на практике количество «текстов» должно быть ограничено. Возникает вопрос: где границы подобного ограничения? История толкования показывает, что традиционные тексты для исследования включают в себя: Павла, как богослова и библеиста, Писание и оригинальных получателей посланий Павла.

2. Следующий вопрос заключается в том, пытается ли Павел воссоздать оригинальное значение используемых текстов или отвергает их влияние на значение и предлагает свое значение, обусловленное собственными предубеждениями.

3. Современные исследователи отмечают две аудитории получателей: современные получатели и оригинальные получатели. Являются ли интертекстуальные взаимоотношения продуктом интертекстуального пространства автора или читателей? Нужно ли фокусировать внимание на «текстах» современного мира – интертекстуальные взаимоотношения, которые мы создаем и принимаем по мере чтения – или на «текстах» мира автора? Оригинальные получатели играют значительную роль в открытии процесса формирования «текста» Павлом.

Основываясь на количестве исследуемых текстов, можно разделить исследователей в этой области на две группы. Первая, в которой *основное* ударение делается на двух «текстах» – Павла и Писания. Вторая группа, в добавление к предыдущим двум текстам, делает ударение на аудитории получателей.

До недавнего времени считалось, что предмет изучения «Использования Писаний апостолом Павлом» сводится только к изучению динамики смещения ударения между двумя «текстами» – Павла и Писания. Основной вопрос был: верен ли Павел оригинальному контексту Писания, и если нет, то на какой другой контекст он ссылается и какие герменевтические принципы использует?

Многие евангельские исследователи строго придерживались мнения, что использование Писания Павлом целиком основывается на оригинальном контексте, т. е. акцентировалось Писание, используемый текст. Ярким представителем таких исследователей является Уолтер Кайзер [11], чей методологический подход можно охарактеризовать как совокупность традиционной интертекстуальности и консервативное учение о непогрешимости Писания. Для У. Кайзера значение Писания может быть только одно, а значимость или применение, хоть и исходит от непоколебимого полюса намерения автора, может отличаться от оригинального намерения [9, с. 8]. Такое отличие одного возможного значения Писания привело его к отвержению *sensus plenior*. У. Кайзер убежден в том, что авторы Нового Завета (далее – НЗ) понимали значение Писаний Ветхого Завета (далее – ВЗ)

в полном соответствии с намерения авторов ВЗ из-за того, что за двумя Заветами стоит единый автор, с отличиями только в применении, а не в значении [11, с. 226].

У. Кайзер подчеркивает литературное влияние раннего текста на более поздний текст. В течение нескольких последних десятилетий Грейг Биел [1], Скотт Хейфман [6] и Эрл Эллис [4] являются представителями подобного взгляда. Э. Эллис характеризует экзегетический метод Павла как типологию и *мидраш пешер*, утверждая, что экзегетика Павла начинается там, где историко-грамматическая экзегетика заканчивается. Э. Эллис не ограничивает определение значения текста историко-грамматической экзегезой и признает «добавочный фактор», обусловленный предубеждениями Павла в понимании природы и истории Ветхого Завета [4, с. 149].

У. Кайзер и Э. Эллис исследуют цитаты Писания на фоне оригинального контекста, основываясь на предубеждении, что Павел, владея историко-грамматическим значением Писания, намеревался в точности включить это значение в свои послания. Они очень серьезно относятся к контексту оригинальных текстов, что полезно для понимания методологии Павла, и хорошо описывают методологию одностороннего литературного влияния со стороны Писания на послания Павла. Однако, принимая авторитет Писания и единство между ВЗ и НЗ, стоит заметить, что «текстуальное единство» не всегда присутствует в использовании Писаний авторами НЗ. Единство Писания не то же самое, что целостность Писания, которая проявляется в библейской истории искупления с явлением Иисуса Христа, принесшего целостность и последовательность. Нужно признать, что более ранние тексты не всегда используются с целью убеждения или подтверждения чего-то, но всегда привносят комплексную интертекстуальную динамику в толкование Писания, не всегда поддающуюся консервативным евангельским моделям толкования.

В эту категорию входят исследователи Писания, по мнению которых, Павел не только пренебрегает оригинальным контекстом, но и навязывает свои намерения относительно содержания Писаний в результате полемики или по причине своих предубеждений.

Ханс Уиндиш является классическим примером подобного интертекстуального подхода. Он в своем комментарии на второе послание к Коринфянам утверждает, что использование Павлом книги Исход (Исх. 34) в своем послании (2 Коринфянам 3) противоречит самой сути Исхода 34 гл. [18, с. 114]. Х. Уиндиш характеризует толкование Павлом книги Исход 34 как «мидраш», мотивированный его полемикой, вызванной ситуацией в церкви в Коринфе. Это значит, что Павел, движимый собственными теологическими предубеждениями, преднамеренно искажает оригинальное значение Писания в борьбе со своими оппонентами их же оружием [18, с. 257]. Подобный подход предполагает, что Павел отделяет значение цитаты от её оригинального контекста и предлагает новый контекст и новое значение цитаты. В одном из самых объемных исследований темы использования Писания апостолом Павлом Дитрих-Алекс Кох [13] утверждает, что приведенные Павлом цитаты основывались на Септуагинте, и разночтения с оригинальным текстом основывались не на качестве запоминания текста, но на преднамеренном подходе к толкованию Писания, и утверждает, что Павел либо буквально цитирует текст, либо заменяет слова цитируемого текста в соответствии со своими целями, фокусируя внимание на своих эсхатологических, герменевтических и теологических убеждениях в полемике с оппонентами.

Кристофер Стенли [16], пытаясь определить технику использования апостолом Павлом цитат из Иудейских Писаний, сравнивает технику цитирования Павла с различными греко-римскими и иудейскими авторами. Он делает два вывода касательно использования Павлом цитат из Писания: 1) Павел активно адаптирует слова цитат для выражения своего собственного понимания обсуждаемого отрывка; 2) предложенный «истолковательный взгляд» на библей-

ский текст был в рамках общепринятых литературных традиций того времени [16, с. 29].

Книгу Ричарда Хейза «Отголоски Писания в посланиях Павла» [22] можно назвать прорывом в изучении использования Писания Павлом. Ричард Хейз предлагает методологически новый подход, совмещая литературоведческую теорию «интертекстуальности» с традиционными экзегетическими и теологическими подходами в понимании герменевтики Павла. Как результат, методология Р. Хейза позволяет по-новому взглянуть на интертекстуальную матрицу и динамику определения значения цитат и аллюзий в Писании.

Р. Хейз отходит от традиционного подхода, который ограничивает поле исследования определенными цитатами или аллюзиями Павла и исследует более далеко идущие, интертекстуальные следы с помощью литературоведческой теории Джона Холландера. Р. Хейз убежден, что мир Павла погружен в Писание Израиля в гораздо более значимой степени, чем можно увидеть только через представление в цитатах и аллюзиях. Особую важность имеет понятие «интертекстуального отголоска» [7, с. 29]. В отличие от цитат или аллюзий, отголоски имеют менее четкие следы текста, исходят от разума, пропитанного наследием предыдущих текстов и иногда могут быть более значимыми, чем цитаты. Основываясь на трудах Дж. Холландера, Р. Хейз считает, что отголосок может часто функционировать как диахронический троп или, по определению Дж. Холландера, как *замещение* или *металепсис* [22, с. 37]. «Когда литературный отголосок связывает текст, в котором он звучит, с более ранним текстом, возникающий художественный эффект может объясняться невысказанными или скрытыми (замещенными) соответствиями между двумя текстами» [22, с. 37]. Согласно Р. Хейзу, аллюзивный отголосок приглашает читателей самих завершить троп, добавляя замещенные связи, и эффект отголосков становится сильнее, когда читатель находит невысказанный голос самостоятельно.

Новаторство методологического подхода Р. Хейза заключается в том, что он находит место для двух «текстов» – Писания и Павла – в одной «акустической среде» интертекстуального соответствия. Он не желает ограничивать значение цитаты Писания оригинальным контекстом или новым контекстом, предложенным Павлом. Возможно, наиболее подходящий термин для описания того, как Р. Хейз концептуализирует интертекстуальное направление влияния между Писанием и Павлом – это *диалектическая борьба* или *трансформация*. Р. Хейз пишет: «Павлова великая борьба – это борьба не с целью утвердить собственную власть над Писанием; скорее это диалектическая борьба, направленная на то, чтобы отстоять тезис о согласованности его воззрения с Писанием и согласованности Писания с этим воззрением, обосновать его поразительные заявления о том, что именно Бог Израиля благоволил совершить в Иисусе Христе» [22, с. 220–221].

Для Р. Хейза использование Павлом Писаний после прихода Иисуса Христа «носит преобразовательный характер: соотнося Божье слово, обращенное к Израилю, с новыми обстоятельствами, в которых находились созданные им церкви, и с содержанием своей керигмы, он дает оригинальные толкования, которые тем не менее претендуют на то, чтобы их считали истинным, эсхатологически явленным, смыслом древних текстов» [22, с. 215]. Павел провозглашает, что Закон и пророки свидетельствуют о Евангелии Божьей праведности, сейчас открытом в смерти и воскресении Иисуса Христа. В этом смысле «Тора не заменяется и не отменяется, а трансформируется в свидетельство о Евангелии» [22, с. 218]. Точно так же, как любое толкование включает в себя диалог между текстом и читателем и приводит к трансформации, так и толкование Писания Павлом приводит к трансформирующему значению через диалектическую борьбу с Писанием.

Как уже описано выше, Р. Хейз не останавливается на интертекстуальных направлениях от Писания к Павлу, или от Павла к Писанию и предлагает альтернативный взгляд, позволяющий сохранить как оригинальный контекст, так и

эсхатологические и «эклезиотелические» предубеждения Павла, которые становятся участниками диалога.

Р. Хейз признает свой метод как «минималистический» подход к интертекстуальности, не желая отождествляться с новой интертекстуальностью Юлии Кристевой и Ролана Барта, где всякий текст рассматривается участником «дискурсивного пространства культуры» [8, с. 8]. Это означает, по крайней мере, две вещи: 1) Р. Хейз ограничивает использование феномена интертекстуальности в письмах Павла, фокусируя внимание на цитатах и аллюзиях только определенных текстов; 2) цель истолкования текста – выяснение намерения Павла как автора или воссоздание отголосков, которые Павел мог услышать.

Важный вопрос, который нужно адресовать к методологии Р. Хейза: какая разница между отголосками, которые Павел мог услышать, и отголосками, созданными самим Р. Хейзом, которые могли возникнуть в результате интертекстуального трения между автором и читателем? Несмотря на то, что Р. Хейз предлагает семь тестовых вопросов, чтобы убедиться, что услышанные отголоски исходят от Павла, он все же признает, что иногда очень сложно отличить отголоски, услышанные Павлом от отголосков, воображаемых современным читателем. «Когда мы уходим от явного цитирования, источник скрывается в дискурсивном отдалении, интертекстуальные отношения становятся менее определенными, а от читателя требуется вслушиваться внимательнее в голоса, звучащие со страниц библейских текстов. Когда мы приближаемся к такой грани, за которой отголосок уже не слышится, у нас неизбежно возникает вопрос, действительно ли мы слышим отголосок, или же это всего лишь плод игры нашего воображения» [22, с. 42].

Возникает вопрос: были ли отголоски, услышанные Павлом или Р. Хейзом, доступны для оригинальных получателей писем Павла? Нельзя предполагать, что все получатели писем Павла были хорошо знакомы с ВЗ Писанием, поэтому отголоски, которые слышал Павел, могли отличаться от отголосков, услышанных получателями его писем, и тем более от услышанных современными толкователями. Р. Хейз предполагает, что все три получателя отголосков могут услышать то же самое, при этом: «Аллюзии и отголоски для тех, у кого есть уши слышать» [21, с. 2].

Методология, предложенная Р. Хейзом, определенно идет далее упомянутых выше направлений «от Писания к Павлу» и «от Павла к Писанию». Тем не менее, значение, на которое указывает метод Р. Хейза, остается в плоскости диалектической взаимосвязи между Павлом и Писанием.

В поисках понимания присутствия и значения отголосков Писания, вложенных самим Павлом, Ричард Хейз признает, что «позднейшие читатели вполне обоснованно будут открывать для себя смыслы и значения образов, которые были сокрыты от самого Павла» [22, с. 55]. Исследования в области использования Писания Павлом достигли уровня, когда акцентируется исследование значения, которого Павел не предполагал, но которое глубже изначального смысла, сознательно вложенного в него автором.

Сильвия Киисмаат [12] в своем интертекстуальном исследовании Послания к римлянам 8:14–30 демонстрирует использование методологии Р. Хейза в толковании аллюзий и отголосков в рамках дискурса культурных символов оригинального контекста, предложенного Р. Хейзом. С. Киисмаат успешно показывает, как Павел трансформирует традицию прошлого исхода как рабства – страдания – освобождения, присутствующую в книгах Исая и Иеремии, в настоящую историю нового и целостного народа Божьего.

Рой Чиампа показывает хороший пример применения новой модели интертекстуальности Ю. Кристевой в области исследования использования Писания Павлом [2, с. 22]. Р. Чиампа исследует присутствие и функцию Писания в гл. 1 и 2, которое не было исследовано до него из-за отсутствия очевидных цитат или аллюзий. Он рассматривает не только присутствие и функцию цитат Писания, аллюзии, отголоски, но также происхождение и подоплеку слов, по-

нятый, тем, включая едва различимые или интуитивные способы, благодаря которым Писание может влиять на аргументацию текста. Р. Чиампа показывает, что структура толкования и аргументация, проявляющиеся в первых двух главах послания к Галатам, подготавливают почву для дальнейшей аргументации и толкования послания к Галатам 3–6 [2, с. 296]. Его основной тезис заключается в том, что, поместив дискурс послания к Галатам 1–2 в интертекстуальную матрицу Иудейского апокалиптически-мессинского символического мира, Павел соединяет ситуацию в Галатии с темами отступничества, которые доходят отголосками из Исхода 32 и Второзакония 13.

С. Киисмаат и Р. Чиампа используют методологию Р. Хейза и расширяют поле исследования темы «использования Писания Павлом», обращая внимание на другие части писем Павла, в которых нет очевидных цитат или аллюзий. Неясность заключается в том, что Павел – эксперт Писания, находит интертекстуальные связи в широком культурном поле Писания, в то же время современный толкователь, исследователь Павла и Писания, добавляет дополнительные интертекстуальные связи, не предполагаемые Павлом. Поэтому получается, что значение текста не исходит полностью ни от автора, ни от современного читателя, но намерения автора смешиваются с вкладом читателя, что усложняет отслеживание точки отсчета в определении значения.

Комплексный анализ основных методологических подходов к изучению использования Писания Павлом позволяет сделать следующие **выводы**. Использование Писания Павлом как интертекстуальный феномен не рассматривалось с достаточным вниманием по отношению к каждому влиятельному «тексту». Большинство исследователей уделяют основное внимание двум «текстам»: Павлу как богослову и библеисту, и Писанию. Оригинальным получателям как «тексту» уделяется меньше всего внимания. Исследователи, в основном, пытаются воссоздать автороцентричное значение, в то время как Павел ведет общение с получателями в свете интертекстуального диалога между Павлом, Писанием и его получателями. Реально существующая коммуникация требует от автора преобразования его послания/значения в соответствии с исходными условиями получателей, их ожиданиями и нуждами. Поэтому передаваемое значение является продуктом интеграции автороцентричного значения с получателе-ориентированным значением.

Литература

1. Beale G. The Right Doctrine from the Wrong Text / G. Beale. – Grand Rapids : Baker Academic, 1994. – P. 217–47.
2. Ciampa R. The Presence and Function of Scripture in Galatians 1 and 2 / R. Ciampa. – Tubingen : Mohr Siebeck, 1998. – 22 p.
3. Dodd C. According to the Scriptures : The Sub-Structures of New Testament Theology / C. Dodd. – London : Nisbet & Co., LTD, 1952.
4. Ellis E. Paul's Use of the Old Testament / E. Ellis. – Grand Rapids : Eerdmans, 1957.
5. Enns P. Inspiration and Incarnation : Evangelicals and the Problem of the Old Testament / P. Enns. – Grand Rapids : Baker Academic, 2005. – P. 152–56.
6. Hafemann S. Paul, Moses, and the History of Israel : The Letter ; Spirit Contrast and the Argument from Scripture in 2 Corinthians 3 / S. Hafemann. – Tubingen : J.C.B. Mohr, 1995.
7. Hays R. Echoes of Scripture in the Letters of Paul / R. Hays. – New Haven : Yale University Press, 1989. – P. 14–19.
8. Hays R. Paul and the Scriptures of Israel / R. Hays // Edited by C. Evans and J. Sanders. – Sheffield : Sheffield Academic Press, 1993. – 8 p.
9. Hirsch E. Validity in Interpretation / E. Hirsch. – New Haven : Yale University Press, 1967. – 8 p.
10. Hollander J. Figure of Echo : A Mode of Allusion in Milton and After / J. Hollander. – Berkeley : University of California Press, 1981. – 65 p.

11. Kaiser W. The Uses of the Old Testament in the New / W. Kaiser. – Chicago : Moody Press, 1985.
12. Keesmaat S. Exodus and the Intertextual Transformation of Tradition in Romans 8.14–30 / S. Keesmaat. – JSNT 54, 1994. – P. 29–56.
13. Koch Dietrich-Alex. Die Schrift als Zeuge des Evangeliums / D. Koch. – Tübingen : J.C.B. Mohr, 1986.
14. Moyise Steve. The Old Testament in the New Testament : Essays in Honour of J. L. North / Edited by Steve Moyise. – Sheffield : Sheffield Academic Press, 2000. – P. 14–41.
15. Sanders E. Paul and Palestinian Judaism : A Comparison of Patterns of Religion / E. Sanders. – Philadelphia : Fortress Press, 1977. – 443 p.
16. Stanley C. Paul and the Language of Scripture : Citation Technique in the Pauline Epistles and Contemporary Literature / C. Stanley. – New York : Cambridge University Press, 2008.
17. Tull P. To Each Its Own Meaning / ed. S. McKenzie and S. Haynes. – Louisville, Ky. : Westminster John Knox Press, 1999. – 166 p.
18. Windisch H. Der Zweite Korintherbrief / H. Windisch. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1924. – 114 p.
19. Кристева Ю., Бахтин М. Слово, диалог и роман. Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму / Ю. Кристева, М. Бахтин ; пер. с фр. Г. Косинова. – М. : Прогресс, 2000.
20. Кристева Ю. Избранные труды : разрушение риторики / Ю. Кристева ; пер. с франц. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 454 с.
21. Хейз Р. Возрождение Воображения / Р. Хейз. – Черкассы : Коллоквиум, 2012. – 2 с.
22. Хейз Р. Отголоски Писания в посланиях Павла / Р. Хейз. – Черкассы : Коллоквиум, 2011.

Аннотація

Горбенко В. И. Интертекстуальность как инструмент категоризации современных методологических подходов в области изучения использования ветхозаветных текстов в Новом Завете. – Статья.

В статье рассматриваются основные методологические подходы современных толкователей к изучению использования Писания в посланиях Апостола Павла. Современные исследования в этой области проявляют методологические предубеждения и недостатки, которые требуют критической оценки. Использование Павлом Писания как интертекстуальный феномен не рассматривалось с достаточным вниманием по отношению к каждому влиятельному «тексту». Понятие интертекстуальности может быть использовано для описания и категоризации современных методологических подходов в этой области. Особое внимание уделено новому методологическому подходу Ричарда Хейза, который совмещает литературоведческую теорию интертекстуальности с традиционными экзегетическими и теологическими подходами к пониманию герменевтики Павла. После короткого описания развития и применения понятия интертекстуальности в об-

ласти использования Писания апостолом Павлом мы сфокусируем внимание на вопросе: откуда исходит значение цитат Писания?

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальный отголосок, использование Ветхого Завета в Новом Завете.

Анотація

Горбенко В. І. Інтертекстуальність – як інструмент категоризації сучасних методологічних підходів в області вивчення використання старозавітних текстів у Новому Завіті. – Стаття.

У статті розглядаються основні методологічні підходи сучасних тлумачів для вивчення використання Письма в посланнях Апостола Павла. Сучасні дослідження в цій області виявляють методологічні упередження і недоліки, які вимагають критичної оцінки. Використання Письма Павлом, як інтертекстуальний феномен, не розглядалося з достатньою увагою по відношенню до кожного основного, впливового «тексту». Поняття «інтекстуальності» може бути використано для опису і категоризації сучасних методологічних підходів в цій області. Особливу увагу буде приділено новому методологічному підходу Річарда Хейза, який поєднує літературознавчу теорію «інтекстуальності» з традиційними екзегетичними і теологічними підходами в розумінні герменевтики Павла. Після короткого опису розвитку та застосування поняття інтертекстуальності в галузі використання Письма Апостолом Павлом, ми сфокусуємо увагу на питанні: «від куди виходить значення цитат Писання?»

Ключові слова: інтертекстуальність, інтертекстуальний відголосок, використання Старого Завіту в Новому Завіті.

Summary

Gorbenko V. I. Intertextuality as a tool to describe modern methodological approaches in the field of studying the use of Old Testament texts in the New Testament. – Article.

The article deals with main methodological approaches of modern interpreters studying the use of Scripture in the epistles of the Apostle Paul. Current efforts in this area demonstrate methodological preconceptions and insufficiencies requiring critical analysis. The concept of intertextuality may facilitate the description and categorization of modern methodological approaches in this sphere. The use of Scripture by Paul as an intertextual phenomenon was not considered with sufficient attention in relation to each basic, influential “text”. Special attention will be paid to the new methodological approach of Richard Hays, which combines the literary theory of intertextuality with traditional exegetical and theological approaches in understanding of Paul’s hermeneutics. After a brief description of the development and application of the concept of intertextuality in the use of Scripture by the Apostle Paul, we will focus our attention on the question: where does the meaning of the scripture citations come from?

Key words: intertextuality, intertextual echo, use of Old Testament in New Testament.